

ЕВГЕНИЙ КОНОНЕНКО

Моделирование смыслов в современной архитектуре мечети

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-1-167-193>

Evgenii Kononenko

Modeling Meanings in Contemporary Mosque Architecture

Evgenii Kononenko — State Institute for Art Studies (Moscow, Russia). j_kononenko@inbox.ru

The article discusses the ability of mosque architecture to express meanings beyond those that are purely religious — first of all, to serve as an instrument of political rhetoric. In contemporary Islamic architectural practice (including Russia) following historical patterns, into which other meanings are invested, is becoming widespread. Using the historic neo-Ottoman trend in the architecture of the Republic of Turkey as an example, the author demonstrates the use of a mosque to proclaim the current doctrine of neo-Ottomanism, which combines nationalist and religious ideas. The spread of this trend as a result of the “diplomacy of architecture” led to a narrowing of the scale of formal searches in the construction of mosques at the turn of the 20th–21st centuries, and very different meanings could be invested in the same borrowed architectural forms (pan-Turkism, pan-Islamism, appeal to national traditions). The recent competition of projects for the Kazan Cathedral Mosque demonstrates, on the one hand, an attempt to limit the spread of neo-Ottoman forms and create a new example of the national style, but, on the other hand, it showed the dependence on existing patterns and the inability of architects to offer a clear alternative to these forms, which would be close to believers and understandable to the citizens. The ability of the architectural image of a contemporary mosque to rhetorically convey certain meanings (even not taken into account by customers and architects) is more important than the very fact of creating a mosque as a religious building.

Keywords: contemporary mosque, neo-Ottomanism, political rhetoric, architectural projects, “diplomacy of architecture”.

ЛЮБОЙ разговор о мечети как исламском культовом сооружении следует предварять важным замечанием о том, что мечеть не является храмом, т.е. «домом Бога», — это лишь место для поклонения, молитвы (собственно, арабское слово *масджид*, от которого и происходит «мечеть», содержит корень *сдж* — «поклонение»). Здание мечети не моделирует представления о пространстве и мироздании¹, а исламская интерпретация места молитвы вовсе не сводится к архитектурным сооружениям. Слово *масджид* в Коране появляется только в сурах, ниспосланных Пророку в Медине, когда возникла очевидная необходимость отделить место поклонения Богу от Каабы, оставшейся в покинутой Мекке².

Исламские первоисточники не настаивают на совершении поклонения именно в мечети. Пророк Мухаммад сказал: «(Вся) земля была сделана для меня местом совершения молитв и средством очищения, и поэтому, где бы ни застало человека, принадлежащего к моей общине, (время) молитвы, он (может) молиться (на этом месте)» (*Бухари*. Сахих. 335). Праздничные коллективные молитвы вообще рекомендуется совершать на открытой местности, для чего служат «временные мечети» (*намазго, мусалла*)³. В городах, заложенных арабами на завоеванных землях, жители первоначально молились в «нарисованных» на земле мечетях, только спустя несколько десятилетий получавших архитектурное оформление⁴.

Однако возникает парадокс:

В исламской культуре мечеть играет огромную роль именно как архитектурное сооружение. Мусульмане могут совершать намаз в любом месте, но <...> придают первостепенное значение строительству и художественному оформлению мечетей <...> Им чрезвычайно нужна мечеть-здание, причем здание заметное, привлекающее вни-

1. Подробнее см.: Кононенко Е.И. Пространство мечети: «временная ритуализация» // Культура Востока. Вып. 4. Границы сакральных пространств. М.: ГИИ, 2019. С. 72–83.
2. См.: Червоная С.М. Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени. Торунь: Польский институт исследований мирового искусства; Изд-во Тако, 2016. С. 12–13.
3. См.: Стародуб Т.Х. Мечеть. Термин и архитектурный тип // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2006. № 4. С. 56.
4. Creswell, K. A. C. (1989) *A Short Account of Early Muslim Architecture*, pp. 6–7. Cairo: The American University in Cairo Press.

мание высотой, красотой внешнего и внутреннего убранства, особыми составляющими архитектурного целого⁵.

Пророк неоднократно оговаривал ценность молитвы именно в мечети, указывал на достоинства отдельных молитвенных зданий и отмечал заслуги их строителей (*Бухари. Сахих.* 450; 660; 662; 1189; 1190). В Халифате быстро возникла практика возведения зданий мечети в любом населенном пункте как знак приобщения местности к «миру ислама». Хронист XII в. Садр ад-Дин ал-Хусайни отмечал закладку мечетей на завоеванных территориях Закавказья как особую заслугу султана Алп-Арслана⁶. Архитектурные достоинства зданий мечетей оценивались современниками и являлись предметом гордости местных жителей.

Однако же, поощряя строительство мечетей, мусульманские источники не инструктировали, как именно их нужно строить: в отличие от, например, постановлений церковных соборов о христианском храмостроении, в исламе конструкция, планировка, оформление пространства ритуала не потребовали ни теологического обоснования, ни символического объяснения, ни иконографического закрепления. Вероучение ислама оказалось безразлично к архитектуре в целом. Поскольку ислам отказался от любых образов как инструмента религиозной пропаганды, то и мечеть как пространство, предназначенное для отправления культа, должна была быть лишена и образности, и религиозной символики. Выдающийся исследователь культуры ислама О. Грабар вынужден был признать:

Концепции конкретного сооружения как материально завершенного целого не существовало <...> Мечеть раннеисламского времени следует определять с позиций конкретных социальных нужд как некий тип, а не как более или менее совершенную или удачную копию некой идеальной композиции⁷.

5. Червоная С. М. Современная мечеть. С. 19.

6. Садр ад-Дин ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-сельджукийа (Сообщения о Сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях). М.: Восточная литература, 1980. С. 52.

7. Грабар О. Формирование исламского искусства. М.: Садра, 2016. С. 142.

Можно говорить о том, что все формальные эксперименты в исламской культовой архитектуре заведомо лишаются символическо-теологического обоснования. Это не значит, что архитектура мечети не может быть наделена определенной символикой; но подобные интерпретации могут существовать исключительно на правах индивидуального опыта, не подкрепляясь аргументацией священными текстами⁸.

Архитектура здания мечети — это оболочка, никак не связанная с культовой функцией, не ограниченная этой функцией и лимитированная лишь логичными требованиями соответствия шариату. Подобно тому как пространство мечети может быть использовано для учебных занятий, собраний общины, политических мероприятий⁹, ее архитектурная оболочка создается под влиянием внешних по отношению к исламской практике факторов — климатических особенностей, местных архитектурных традиций, доступности строительных материалов, образованности заказчиков и подготовленности мастеров-исполнителей.

Но есть еще один фактор — возможно, самый важный. О коммуникативной функции архитектуры, т. е. ее способности выражать, отражать и моделировать определенные идеи, смыслы, сказано очень много¹⁰. Исходя из этой способности, произведения архитектуры определяются и как «прогностические модели», и как «идеологические симулякры» — т. е. средства пропаганды пока еще не реализованных идей¹¹. Культовая архитектура являлась для правителей мусульманских государств важнейшим инструментом политической риторики, либо воспроизводя авто-

8. Кононенко Е. И. Архитектура мечети как объект интерпретации // Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение. 2018. Т. 8. № 1. С. 113–130.

9. Кононенко Е. И. Пространство мечети: «временная ритуализация». С. 72–74.

10. См., в частности: von Beyme, K. (1996) “Politische Ikonologie der Architektur”, in Hipp, H., Seidl, E. (eds) *Architektur als politische Kultur*, ss. 19–34. Berlin: Dietrich Reimer; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. С. 208–258; Hattenhauer, D. (1984) “The rhetoric of architecture: A semiotic approach”, *Communication Quarterly* 32 (1): 71–77; Ванеян С. С. Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 545–590, 739–744; Bianco, L. (2018) “Architecture, values and perception: Between rhetoric and reality”, *Frontiers of Architectural Research* 7: 92–99.

11. Иконников А. В. Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986. С. 103–104; Batuman, B. (2016) “Architectural mimicry and the politics of mosque building: negotiating Islam and Nation in Turkey”, *The Journal of Architecture* 21(3): 334, 340–342.

ритетные образцы (ретроспекция), либо предлагая новые ориентиры (проспекция)¹². Выбор метода визуализации риторики зависел от прокламируемых политических целей: ретроспекция однозначно подразумевала отсылку к предшественникам (в т. ч. хронологически отдаленным) и «встраивание» в определенный алгоритм деятельности («подобно предкам»), проспекция демонстрировала разрыв с прошлым, самостоятельность и амбиции инициаторов архитектурного заказа.

Отсутствие единых нормативов архитектуры мечети и факкультативность факторов, ее определяющих, предельно затрудняют попытки классифицировать имеющийся огромный корпус произведений¹³. Часто в качестве основы наиболее общей типологии избирается «географический» критерий, связывающий принципиальные композиционные различия культовых зданий с наиболее крупными историко-культурными регионами «мира ислама»: мечеть арабская (колонная), иранская (айванная), турецкая (центрально-купольная), и для обобщения информации (например в учебных курсах о культуре ислама) такой градации обычно достаточно. При более детальном рассмотрении материала следует учитывать традиции отдельных регионов, культурные контакты и влияния, династические интересы, отношения вассального подчинения, различия между центрами и провинциями и т. д.

Особенно актуальными подобные градации становятся при выборе ориентиров для строительства современных мечетей, причем именно в тех случаях, когда предельно актуализируется фактор политической риторики: обращение к тому или иному историческому образцу отчетливо демонстрирует идеологические послылы.

Неоосманская мечеть: традиция или политика?

Так, например, произошло в Турции, где закладка новых мечетей была приостановлена после провозглашения Республики (1923 г.): реализация принципов светского государства на несколько десятилетий практически исключила культовое

12. См.: Schlanger, J. (2001) "Introspection, retrospection, prospection", *Revue de métaphysique et de morale* 4: 527–541.

13. См.: Червоная С.М. Современная мечеть. С. 393–400.

строительство из архитектурной практики, отрицавшей старые османские формы и ориентировавшейся на интернациональный модерн. Когда же в 1940-х годах культовое строительство было возобновлено, у молодых турецких архитекторов не оказалось ни необходимого опыта, ни векторов поисков, и логичным оказалось прямое цитирование османских проектов (мечеть Шишли в Стамбуле, 1945–1949). Появление «республиканских» мечетей в столице Анкаре также пошло по пути стилизации османских памятников (Мальтепе-джами, 1954–1959). Показательным оказался «инцидент Коджатепе» — победителем международного конкурса здания «главной мечети новой Турции», каковой должна была стать Коджатепе-джами в Анкаре, стал проект В. Далокая, на тот момент оценивавшийся как «ультрасовременный» и содержащий ряд новаторских инженерных решений; в процессе затянувшегося строительства эта концепция мечети Коджатепе была заменена консервативным «ностальгическим» проектом Х. Тайла (ил. 1), отказавшегося от каких-либо модернистских поисков образа и в очередной раз воспроизведшего тип «большой османской мечети» с купольным залом, парными минаретами и большим двором, окруженным галереями¹⁴.

«Инцидент Коджатепе» проиллюстрировал программную ориентацию турецкой архитектуры на исторические образцы, легализовал неоосманский тренд и сделал его нормативом в государственном заказе культовых сооружений. Последовательная исламизация турецкого общества в 1980–2000-х гг. сопровождалась активным возведением мечетей, и выбор конкурсных жюри однозначно падал на неоосманские проекты, направленные на появление современных версий «большой османской мечети». Эти проекты сознательно ориентированы на уподобление великим памятникам прошлого, демонстративно отсылая к традиционным ценностям и используя для этого риторические коннотации национального визуального «бренда».

14. Кононенко Е.И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур. М.: ГИИ, 2018. С. 92–117.

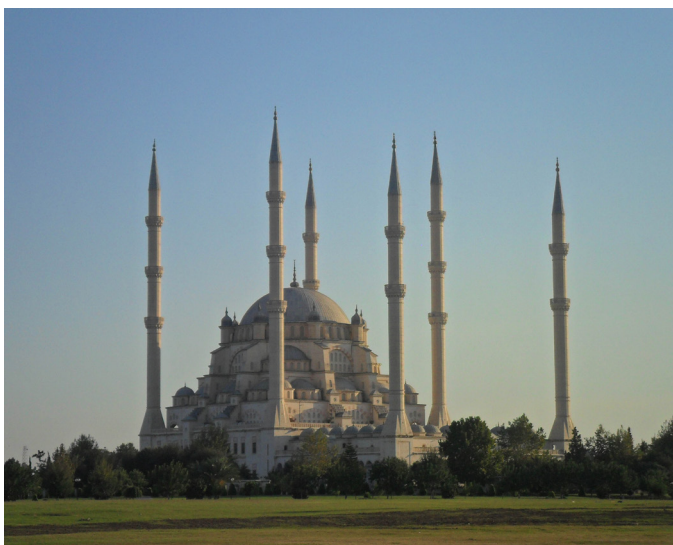
Ил. 1. Мечеть Коджатеппе, Анкара. Арх. Х. Тайла. 1967–1987

В 1998–1999 гг. в память о разрушительном землетрясении и в качестве символа восстановления разрушенного города в Адане был реализован проект «самой большой мечети Турции» (арх. Н. Динч, диаметр центрального купола 32 м, проектная вместимость — 28 500 молящихся, минареты достигают высоты 99 м). Как и в Анкаре, зодчий воспроизвел традиционную планировку классической «большой османской мечети»: купольный зал, прямоугольный двор, шесть минаретов (ил. 2). Ориентиры проекта понятны из слогана: «Супруг Селимие, брат Султанахмед, товарищ Коджатеппе»¹⁵.

Другим показательным примером современного прочтения османской мечети стала Мимар Синан-джами в Стамбуле (2007–2012, арх. Х. Ченальп). В ее названии увековечено имя великого османского архитектора XVI в., чьи творения безусловно вдохновили новый проект; при этом одной из озвученных Р.Т. Эрдоганом (тогда премьер-министром) задач было появление на азиатском берегу Босфора «султанской мечети», не уступающей Фатих,

15. *Türkiye Diyanet Foundation. Our Mosques* (2011), p. 13. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı. Имеются в виду крупнейшие постройки «золотого века» османской архитектуры (XVI–XVII вв.) — Селимие-джами в Эдирне и Султанахмед-джами («Голубая мечеть») в Стамбуле.

Сулеймание и Султанахмед-джами в европейской части¹⁶. 27-метровый купол опирается на шестигранное основание, и использование конструктивного гексагона было подано как развитие одного из предложенных Синаном вариантов композиции применительно к «большой османской мечети»; на турецком сайте, посвященном проблемам реставрации, высказывается предположение, что если бы Синан, завершив Селимие-джами, успел спроектировать еще одну огромную мечеть, он обратился бы именно к гексагональной конструкции¹⁷. Таким образом, современная турецкая мечеть получает новый смысл, являясь одновременно типологической «цитатой» и практическим воплощением нереализованного, но реконструируемого замысла, оказываясь плодом ретроспективного и проспективного методов риторики одновременно.

Ил. 2. Мечеть Сабанджи, Адана. Арх. Н. Динч. 1998–1999

16. Batuman, B. (2016) “Architectural mimicry and the politics of mosque building: negotiating Islam and Nation in Turkey”, p. 321–322.

17. <http://www.restoraturk.com/index.php/mimarlik/279-atasehir-mimar-sinan-camii> (обр. 25.07.2019); см. также: Dural, M. (2017) *Çağdaş Cami Mimarisinde Kubbe Ögesinin Algısal Etkisinin Mimari Eğitim Seviyesine Göre Farklılaşması*, s. 39. İstanbul: Yüksek Lisans tezi.

Крупнейшим проектом начала XXI в. стала мечеть на холме Чамлыджа на азиатском берегу Босфора. Возведение огромной мечети, видимой из любой точки Стамбула, было анонсировано премьер-министром Р. Эрдоганом в 2012 г.¹⁸, и поскольку строительство велось под его личным контролем и вблизи правительственной резиденции, новый комплекс в обиходе получил название «Эрдогание»¹⁹. Однако обсуждение проектов показало, что турецкая общественность устала от постоянного тиражирования неоосманских форм: несмотря на престижность госзаказа и ожидаемое финансирование, Палата архитекторов бойкотировала участие в конкурсе, а ведущие специалисты отказались войти в жюри, образованное правительственными чиновниками и представителями религиозных организаций.

Победивший проект Б. Мизрак и Х. Гюль Тоту (ил. 3) предусматривал возведение откровенной имитации Султанахмед-джами, только на этот раз с семью минаретами (в центре двора предполагалась высотная часовая башня, от которой затем отказались)²⁰. В состав комплекса Чамлыджа вошли, помимо библиотеки, ряд учреждений, не характерных для османских комплексов, — музей исламского искусства, конференц-залы, выставочные галереи, художественные ателье; таким образом, факультативная (по отношению к культовой) функция нового ансамбля оказалась смещена с социально-благотворительной к культурной составляющей, однако наделение религиозного комплекса новой функцией выглядит лишь как попытка оправдания масштабного строительства в глазах скептиков.

Утверждение и реализация проекта мечети Чамлыджа, осуществленные вопреки мнению как архитекторов и кемалистских политических течений, так и жителей Стамбула, вызвали шквал критики со стороны политологов и социологов, увидевших в очередной неоосманской мечети визуализацию личных «неотоманских» амбиций президента Эрдогана²¹. На этом фоне интересно мнение Б. Батумана, проанализировавшего этапы развития имитационного неоосманизма в мусульманской архитектуре

18. Проект был анонсирован 29 мая 2012 г., в день 559-й годовщины взятия Константинополя Мехмедом II; подробнее см.: Batuman, B. (2016) "Architectural mimicry and the politics of mosque building: negotiating Islam and Nation in Turkey", p. 336.

19. См., например: Cagaptay, S. (2019) "Making Turkey Great Again", *The Fletcher Forum of World Affairs* 43(1): 170.

20. Çamlıca'ya yapılacak cami taklit mi? *Milliyet*. 16.11.2012.

21. См.: Cagaptay, S. (2019) "Making Turkey Great Again", pp. 170–171.

Турции: в отличие от поисков середины XX в., оправданных «консервативной ностальгией по золотому веку», «архитектурная мимикрия» начала XXI в. оценена турецким архитектуроведом как средство создания идеологии, сочетающей представления о национальной идентичности (актуальные еще со времен младотурок) с исламистскими ценностями (младотурками и кемалистами отвергнутыми)²².

**Ил. 3. Мечеть Чамлыджа, Стамбул. Арх. Б. Мизрак, Х. Гюль
Тоту. 2012–2017**

Таким образом, архитектура мечети в целом и тип «большой османской мечети» в частности сохраняют функцию инструмента политической риторики, прокламируя и визуализируя потенциальное совмещение национальной и религиозной идей и игнорируя их несоответствие друг другу на шкале ценностей основателей Турецкой Республики.

Именно поэтому современная турецкая мечеть нуждается не в ностальгическом копировании конкретных османских образцов, а в создании их обобщенного образа, комбинируемого из элементов знаменитых построек и отсылающего ко всем прототипам сразу. Можно считать программным ответ архи-

22. Batuman, B. (2016) "Architectural mimicry...", pp. 334, 340–342.

текторов Чамлыджа-джами на обвинения в слепом подражании творениям Синана: «Это не копия. Это стиль»²³. Но, несмотря на ряд безусловных архитектурных и инженерных находок в отдельных памятниках, подражательное сходство многочисленных реплик закрепляет нелестное представление исследователей о современной турецкой мечети как об «иконографически унылой»²⁴.

Между тем обобщенный образ, в котором опознаются и элементы необходимого «стиля», и отсылки к типовой композиции османской мечети, может удачно совмещать консервативную традиционность с ультрасовременными дизайнерскими решениями.

Широкую известность получила Шакирин-джами (2009)²⁵ в Ускюдаре — одном из наиболее консервативных в религиозном отношении азиатских районов Стамбула (ил. 4). Архитектура мечети в стиле хай-тек, непривычном для культовых построек, разработана Х. Тайла, автором Коджатеке-джами в Анкаре, но конструктивное решение небольшой мечети явно вдохновлено отвергнутым проектом В. Далокая: в небольшом стамбульском памятнике наконец-то стало возможным реализовать идею лишенной фасадов самонесущей оболочки, которую технически невозможно было осуществить в 1960-х годах²⁶. Дизайн интерьера выполнен Зейнеп Фадилиоглу, владелицей дизайнерской фирмы, известной проектами гостиничных комплексов, ресторанов и клубов. Художница отмечала свое стремление «создать такую атмосферу, в которой люди могли бы чувствовать себя уютно» (что вполне оправданно для дизайнера клубных интерьеров), и, прежде чем приступить к проекту, консультировалась с теологами, социологами и даже жителями Ускюдара, чтобы ее искания были благосклонно восприняты мусульманской общиной.

23. Çamlıca'ya yapılacak cami taklit mi? *Milliyet*. 16.11.2012.

24. Шукуров Ш. М. Архитектура современной мечети. Истоки. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 46. Подробнее см.: Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой // Искусствознание. 2014. № 3–4. С. 171–179.

25. См.: Demirer, Y. (2007) “Constructing a High-Society Mosque: The Controversy and Significance of the Şakirin Mosque in Istanbul, Turkey”, *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies* 40(2): 3–17.

26. Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой. С. 177.

**Ил. 4. Мечеть Шакирин, Стамбул. Арх. Х. Тайла,
З. Фадили-оглу. 2009**

Создатели Шакирин-джами отказались от реплики конкретного памятника и не пытались воспроизвести «стиль», который будет актуален для заказчиков и авторов Чамлыджа-джами, но предложили современное прочтение привычного образа мечети, обеспечившего приемлемую степень традиционности.

При этом нельзя не заметить, что следование исторической традиции в архитектуре современной мечети становится в Турции своеобразным индикатором «правотности», политической благонадежности, а настойчивая мультипликация неоосманских образцов (в т. ч. вне Турции) воспринимается как визуализация доктрин неопантюркизма и неоосманизма, вступающих в противоречие с основополагающими принципами кемалистской республики²⁷. Слухи о намерении возвести очередную неоосманскую мечеть на стамбульской площади Таксим стали толчком к бурным антиправительственным выступлениям летом 2013 г.²⁸ По-

27. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78; Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2(47). С. 32–39.

28. Кононенко Е.И. В ожидании «суперпроекта»: ориентиры турецкой мечети // Азия и Африка сегодня. 2014. № 4. С. 63.

нятно, что причиной волнений были не столько архитектурные формы новой мечети (которая все равно строится), сколько та политика, которую эта мечеть должна риторически визуализировать²⁹, и это лишний раз убеждает в том, что современная архитектура мечети сохраняет функции инструмента политической риторики и остается способной транслировать те или иные идеологические послышки.

«Дипломатия архитектуры»: исламизация или османизация?

Проблема выбора образцов остро встала в конце XX — начале XXI в., как при возобновлении мусульманского строительства в новых государствах, где сильны позиции ислама (республики, возникшие после распадов СССР и Югославии), так и в условиях активизации исламских общин в Европе. В обоих случаях к утилитарной функции (обеспечить верующих местами отправления культа) добавлялась и риторическая задача — использовать культовую архитектуру для монументального выражения традиционных ценностей. К сожалению, приходится признать, что в подавляющем большинстве случаев широкий диапазон выбора оказался проигнорирован и современная мечеть приняла подражательные формы, «поставщиком» которых стала прежде всего Турция.

Причин тому оказалось несколько. Во-первых, турецкие архитектурные бюро начиная с 1970-х гг. накопили большое количество типовых проектов мечети, которые могли быть легко адаптированы к конкретным условиям строительства с учетом возможности использования местных материалов, художественных ремесел, приемов декорации. Во-вторых, эти бюро смогли предложить не только проекты, но и полный цикл строительных работ, что оказалось особенно важно в условиях отсутствия или потери местных традиций (достаточно вспомнить песенную строку «Турки строят муляжи Святой Руси за полчаса»³⁰). Одной из сторон этого же процесса стал «ностальгический» заказ турецких диаспор в Европе и Азии (мечети в Пфорцхайме,

29. Там же. С. 68; Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой. С. 179.

30. Борис Гребенщиков. Древнерусская тоска (группа «Аквариум», альбом «Снежный лев», 1996).

Берлине, Роттердаме, Амстердаме, Токио, Куала Лумпуре, Шардже, Бейруте), оправданный как высоким уровнем традиционности, так и этнической и языковой однородностью общин турецких мигрантов. Неоосманские мечети, часто являющиеся частью турецких культурных центров, оказались маркерами национальной принадлежности и востребованными инструментами идентификации конкретных общин среди других мусульманских диаспор.

В-третьих, «парад суверенитетов» вызвал мгновенный отклик пантюркистских и исламистских организаций, увидевших широкие перспективы для миссионерской и культуртрегерской деятельности. Поиски национальной идентичности и форм ее выражения в новых государствах встретили со стороны турецких коллег готовность делиться отработанными механизмами национального и исламского образования, просветительства, культурного обмена и религиозной политики³¹. Реализация проектов неоосманских мечетей подавалась как свидетельство исторических связей, единства «тюркского мира», восстановления приоритета национальных и религиозных ценностей, и породила особый термин — «дипломатия архитектуры» (по аналогии с китайской «дипломатией панд») ³². Первой ласточкой этого механизма стало возведение Азади-джами в Ашхабаде (1992–1998, арх. Х. Тайла), формы которой явились комбинацией османских образцов (ил. 5); за ней последовали мечети Шахидлер в Баку, Нур Астана и Хазрет Султан в Астане, Гурбангулы-хаджи в Мары, Борбордук в Бишкеке... Подобные здания спорят за титул «самой большой мечети Средней Азии», «крупнейшего культового сооружения Центральной Азии» и т. д., но говорить об их архитектурной оригинальности невозможно.

Одним из крупнейших проектов современной мусульманской архитектуры стала мечеть «Сердце Чечни» в Грозном (2006–2008), участвовавшая в конкурсе символов России и изображенная на монетах. Во всех описаниях и релизах подчеркивается ее соответствие «классическому османскому стилю» и воспроизведение образа стамбульской Голубой мечети (Султанахмед-джами, нач. XVII в.); даже авторство проекта трудно установить, зато

31. Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. С. 352.

32. Rizvi, K. (2015) *The Transnational Mosque. Architecture and Historical Memory in the Contemporary Middle East*, pp. 60–65. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

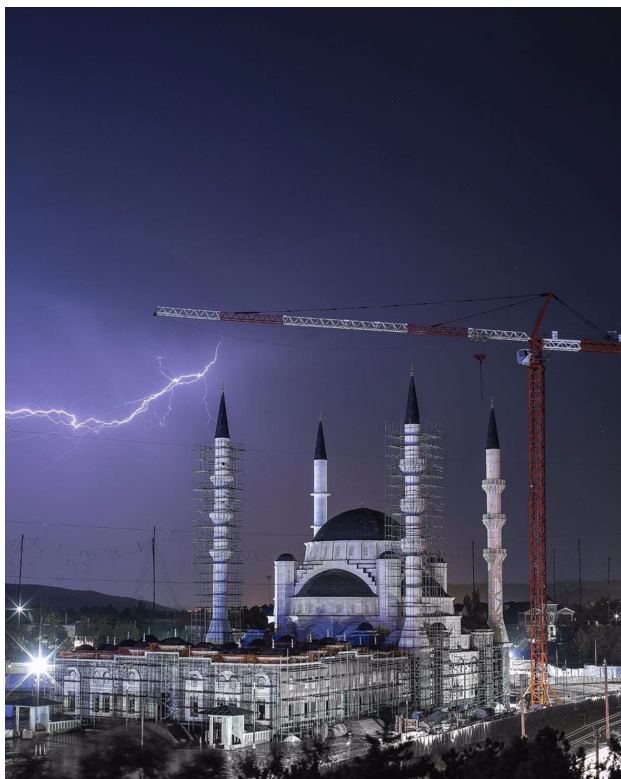
подчеркивается участие турецких строителей. При этом, к сожалению, слишком мало внимания обращается на целый ряд безусловных архитектурных находок этого памятника, не воспроизводящих некий набор образцов, но, наоборот, развивающих, дополняющих и «осовременивающих» привычный образ османской мечети.

Ил. 5. Мечеть Азади, Ашхабад. Арх. Х. Тайла. 1992–1998

Возведение Соборной мечети (Буюк Джума-джами) в Симферополе (2016–?) (ил. 6) было объявлено «знаменем всего национального и правозащитного движения крымскотатарского народа», но сами условия заказа Духовного управления мусульман Крыма оговаривали ориентацию на «османский тип», и возможность какого-либо архитектурного эксперимента оказалась подчинена консервативному представлению заказчика о том, каким должен стать «визуальный символ репатриации крымских татар»; по словам одного из авторов утвержденного проекта, «мы

обязаны были смотреть в османское зеркало»³³. Первоначально в описаниях строящейся мечети деликатно упоминался некий «крымскотатарский стиль», но из-за невозможности ответить на очевидные вопросы (в чем он проявляется? чем конкретно он отличается от «османского»? существовал ли он вообще?) эти неловкие отсылки в статье Википедии были заменены на прямолинейную констатацию «османских архитектурных форм»³⁴.

**Ил. 6. Соборная мечеть (Буюк Джума-джами), Симферополь.
2016–2023**

В 1990–2000-х гг. неоосманские проекты активно использовались при строительстве новых мечетей как в традиционно мусульманских регионах Поволжья и Кавказа, так и в городах

33. Червонная С.М. Современная мечеть. С. 190–193.

34. Например: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Соборная_мечеть_\(Симферополь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Соборная_мечеть_(Симферополь)) (доступ от 28.07.2019, 20.01.2023).

европейской части, где росли мусульманские диаспоры (Санкт-Петербург, города Урала, Пенза, Донецк, Мариуполь). Необходимость в местах поклонения, отсутствие подготовленных архитекторов, традиционная консервативность и невзыскательность общин, а также религиозные контакты и готовность оказания помощи с турецкой стороны привели к тому, что многие постройки оказывались либо узнаваемыми версиями существующих сооружений, либо результатом приспособления «османского стиля» к местным условиям, выражающемся в возведении очередных реплик по принципу «не копия, но стиль».

Безусловно, каждая мечеть прекрасно выполняет свою культовую функцию дома коллективной молитвы, является предметом гордости *уммы* (мусульманской общины), за каждым проектом стоит увлеченная работа архитекторов, но архитектурные образы, риторические послы и прочитываемые смыслы зданий оказываются различными. Уже в первом российском научном анализе архитектуры современной мечети было отмечено:

Складывается такое впечатление, что для современной архитектуры России не существует других архитектурных стилей, кроме турецкого. Когда во многих странах Ближнего Востока мы видим отчетливые следы этого архитектурного стиля, в этом нет ничего странного, Османская империя внедряла свой архитектурный стиль. Россия никогда не была покорена Турцией, но тем не менее османский архитектурный стиль твердо закреплён в появляющихся мечетях³⁵.

Вне Турции отсылки к «традиционности» неоосманского тренда теряют актуальность, тем более что перед архитектурой российских мечетей задача выражения национальной идентичности официально не ставится; наоборот — всячески подчеркивается (во всяком случае, на государственном уровне) многонациональность традиционной мусульманской общины. Единичные попытки выделить особенности «современных российских мечетей» сводятся к самым общим выводам, не выявляющим региональную специфику, и справедливому замечанию: «Нет определенного стиля, присущего российской исламской архитектуре»³⁶.

35. Шукуров Ш. М. Архитектура современной мечети. Истоки. С. 46.

36. Ибрагимов И. А. Архитектура современных российских мечетей // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011. № 2. С. 58.

Конкурс «Казань-22»: хотели как лучше...

Сочетание ненормативности форм и риторической многослойности мусульманских зданий объясняет повышенный интерес современных архитекторов к открытым конкурсам проектов мечетей в крупных городах: эти конкурсы воспринимаются как вызовы, предполагающие одновременно соблюдение логических ограничений, поиск наиболее выразительного образа и разработку оригинального конструктивного решения.

Международные конкурсы проектов современной мечети на многие годы определяют актуальные тренды формообразования, формируют шкалу и векторы поисков, смещают границы совмещения «традиционности» и «авангардности». Так было с «Анкарским проектом», на десятилетия укрепившим позиции неосманского тренда, так же произошло с конкурсными проектами мечетей в Багдаде, Исламабаде, Дакке, Риме, Копенгагене, Приштине³⁷.

В 2022 г. состоялся конкурс проектов Казанской Соборной мечети. Формальным поводом для проведения конкурса стало празднование 1100-летия принятия ислама в Волжской Булгарии. Данный объект должен стать знаковым культовым сооружением всего тюркского мира, и проводимый конкурс можно рассматривать как отражение имеющихся архитектурных трендов и художественных вкусов тех мастеров, которые берут на себя смелость выражать представления о том, какой может стать мемориальная мечеть в одном из главных центров российского ислама.

Предложенные условия конкурса оказались одновременно и жесткими, и оставляющими свободу для творчества. Конкурсантам было необходимо соблюсти градостроительные регламенты в охранной зоне ансамбля Казанского кремля, учесть транспортные потоки современного города, сложную гидротехническую обстановку вблизи предложенной площадки и наличие подземных коммуникаций. Техническое задание предполагало создание духовно-просветительского центра с молитвенным залом на 10 тыс. человек, наличие достаточных мест для пар-

37. Шукуров Ш. М. Архитектура современной мечети. Истоки. С. 90–122; Holod, R., Khan, H., Mims, K. (1997) *The Contemporary Mosque. Architects, Clients and Designs since the 1950s*. N.Y.: Rizzoli.

ковки автомобилей и ограничение высоты в 80 м. Таким образом, в Казани планируется не только очередное культовое сооружение, но и новое общественное пространство, вписываемое в концепцию развития крупного города, и очевидная новая архитектурная доминанта, дополняющая древний центр «третьей столицы России».

Формально ограничений на поиск образа не было, однако участникам конкурса было рекомендовано считаться с пожеланиями, исходившими как от официальных лиц, так и от представителей исламского духовенства. Одним из таких пожеланий стало стремление отказаться от ориентации на знакомый образ «турецкой мечети»: конкурсантов ознакомили с историческими памятниками Казани и предложили по возможности использовать бережно сохраняемые элементы национального искусства и спроектировать новый образцовый памятник, который сможет проиллюстрировать представление о «татарском стиле», закрепить его для будущих поколений и создать новый ориентир перспективной риторики.

Это свидетельствует, во-первых, о конкретности вкусов руководителей *уммы*, осознании своей роли в национальном масштабе, и, во-вторых, о желании создать нормативное художественное произведение, изначально учитывающее как практические нужды общины, так и особенности и традиции мусульманской и татарской культур, но одновременно и уникальный памятник, увековечивающий юбилей и соответствующий современным архитектурным трендам. Один из участников конкурса сформулировал программную установку так:

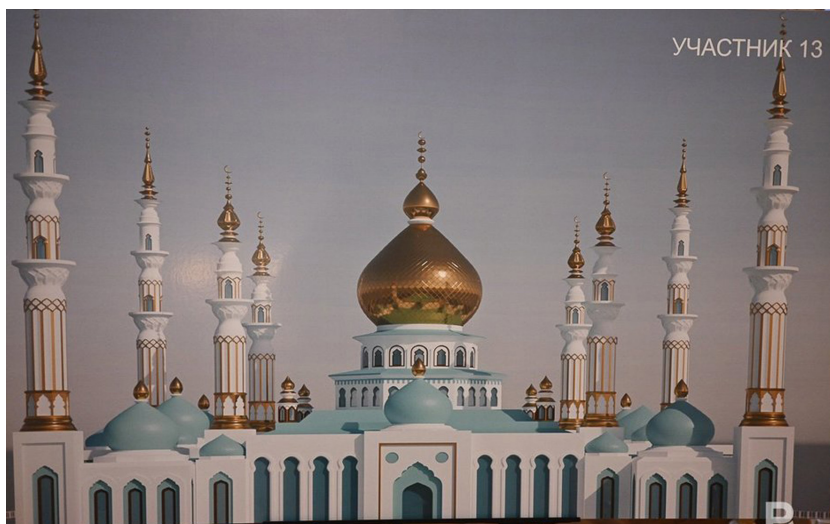
Люди должны увидеть соборную мечеть и сказать, что это — татарская мечеть. Она должна отражать нашу национальность, наш татарский дух. Также, на мой взгляд, она должна ломать стереотипы, быть уникальной и ультрасовременной³⁸.

Однако, как это часто бывает, программные ожидания были скорректированы реалиями. Заявленная «международность» конкурса сократилась (согласно пресс-релизу) до «...представителей России, ОАЭ, Турции, Египта, Казахстана и Узбекистана», и такой

38. <https://www.tatar-inform.ru/news/xaitek-ili-drevnebulgarskaya-klassika-cto-izvestno-o-proektax-sobornoj-meceti-kazani-5871457>.

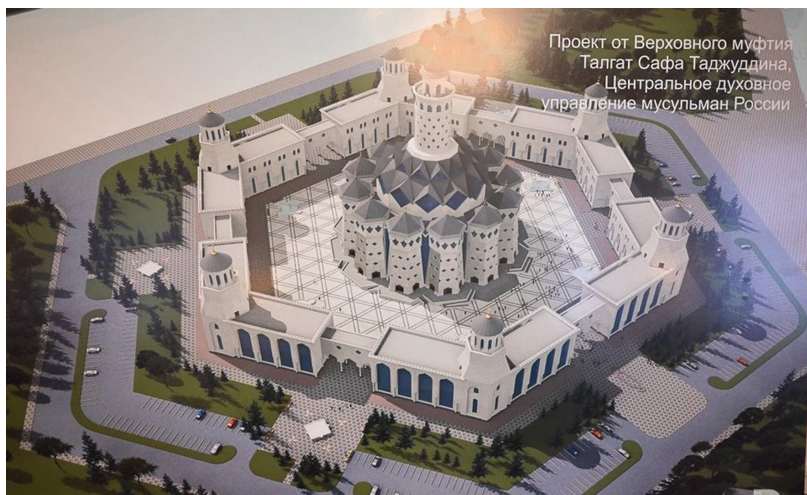
состав участников заведомо сузил шкалу формальных поисков и сместил вектор в сторону традиционности.

Авторы многих проектов-финалистов (ил. 7, 8)³⁹ отталкивались от существующих памятников исламской архитектуры Поволжья, реализуя стремление создать собственно «татарский» или даже «казанский» стиль. При этом одни пошли по пути включения в свои проекты отдельных элементов композиции и декора исторических мечетей Казани, другие же предложили полные или частичные узнаваемые реплики существующих построек, ориентируясь прежде всего на мечеть Кул Шариф, реконструированный комплекс Белой мечети в Болгаре и новодельный Вселенский храм в Казани. Как это уже бывало в истории строительства крупных современных мечетей, лишенное творческой оригинальности копирование существующего сооружения выдается за продолжение исторического стиля.

Ил. 7. Соборная мечеть, Казань. Конкурсный проект 2022 г.

39. С проектами — финалистами конкурса можно ознакомиться, например, на сайте: <https://www.business-gazeta.ru/article/556415> (доступ от 23.02.2023).

Ил. 8. Соборная мечеть, Казань. Конкурсный проект 2022 г.

Самую большую группу финалистов составили предложения, в разной степени «цитирующие» проекты, представленные на других конкурсах. Источниками узнаваемых «цитат» стали культовые здания в Алжире, Исламабаде, Дохе, «доработанные» архитектурные идеи, более десяти лет назад представленные на конкурсе в Приштине, а также отвергнутые в ходе конкурса проекты мечети в Симферополе. Безусловно, в мировой архитектурной теории найдется много решений, достойных воплощения в материале; но активное «цитирование» (как и «самоцитирование») свидетельствует об искусственном сужении диапазона поисков и восприятии Казанского проекта как вторичного, провинциального, где вполне могут быть востребованы неоригинальные идеи. Можно предполагать, что такие участники рассчитывали на необразованность и неинформированность конкурсной комиссии и оторванность Казани от современных архитектурных трендов. Хотя подобные проекты оказались и в числе лауреатов, нельзя не заметить, что исторический центр ислама в Поволжье явно заслуживает большего уважения, а повод для конкурса — юбилей принятия ислама — предполагает оригинальные решения, а не создание копий или воплощение ранее отвергнутых замыслов. Не может не удивлять тот факт, что некоторые конкурсанты ориентировались на Тадж-Махал и/или мечеть Шейха Зайда в Абу-Даби, в очередной раз воплощая довольно странные обобщенные представления об «ориентализме», ассоциирующиеся с китчем.

Более оригинальными кажутся представленные образы юбилейной мечети в Казани как центрического сооружения. Правда, в истории исламской архитектуры центричность более характерна для мавзолея либо реликвария (начиная с Куббат ас-Сахра в Иерусалиме)⁴⁰. Кроме того, в глазах россиян столпное сооружение, окруженное малыми куполами, будет неизбежно ассоциироваться с храмом Василия Блаженного, построенным именно в ознаменование взятия Казани; такую историческую аллюзию участники конкурса обязательно должны были учитывать, и применительно к казанской мечети выбор подобного архитектурного образа вряд ли можно считать удачным. Уже на следующий день после публикации конкурсных проектов добровольные интернет-критики закрепили за одним из таких проектов прозвище «Пентагон»⁴¹, и от подобной ассоциации, далекой от исламских ценностей, избавиться будет трудно.

В противовес этим идеям, в проекте опытного строителя поволжских мечетей А. Саттарова, разделившем первое место на конкурсе, предложен авангардистский концепт прижатого к земле обтекаемого прозрачного объема, трактуемого автором как «ковчег, видимый из космоса», «место спасения людей, которые идут по призыву Всевышнего» и отражающего «эстетику космического корабля Востока» (ил. 9)⁴². Реализация подобного ультрасовременного проекта способна создать в Казани новый объект туризма, но вопрос о том, насколько такая мечеть соответствует программе юбилейного монумента и как такая мечеть будет воспринята консервативной уммой Поволжья, остается открытым.

К сожалению, проведение архитектурного конкурса как части юбилейных торжеств никак не учитывало мнение общественности — «конечных пользователей» новой мечети. Горожане смогли увидеть и оценить проекты только после объявления итогов, и сама подобная «таинственность» подготовила почву для негативного отношения к выбору конкурсного жюри⁴³ и заставила вспомнить московскую акцию «Долой царя!» из-за установки чет-

40. Ashkan, M., Ahmad, Y., Arbi, E. (2012) "Pointed Dome Architecture in the Middle East and Central Asia: Evolution, Definitions of Morphology, and Typologies", *International Journal of Architectural Heritage* 6(1): 46–61.

41. <https://realnoevremya.ru/articles/255515-v-konkurse-na-sobornuyu-mechet-kazani-pobedili-ginzburg-i-sattarov>.

42. <https://archi.ru/russia/97066/kovcheg-iz-kosmosa>.

43. <https://kazanfirst.ru/articles/586577>.

верть века назад памятника Петру I⁴⁴. Эта параллель лишняя раз демонстрирует политизированность архитектуры в целом и культового зодчества в частности, возможности поисков заложенных идей и моделирования тех смыслов, которые в здание не были заложены, заставляя внимательно относиться не только к возможным историческим коннотациям построек, но даже к обстоятельствам обнародования проектов.

**Ил. 9. Соборная мечеть, Казань. Конкурсный проект 2022 г.
«Ковчег» (арх. А. Саттаров)**

Показательно, что когда после публикации проектов казанские интернет-порталы провели альтернативное голосование, ни один из официальных финалистов конкурса не получил поддержки горожан, — по их мнению, на статус новой архитектурной достопримечательности Казани мог бы претендовать именно проект, не отмеченный жюри. Результаты этого общественного голосования подозрительно быстро «затерялись» на просторах интернета... Уже через год после помпезного конкурса была определена новая площадка для мечети, соответственно изменились требования к знаковому объекту, и вниманию обществен-

44. См.: Чернышева Е. Громкие споры вокруг столичных памятников // Коммерсантъ. 08.06.2015.

ности был представлен новый проект от архитектурного бюро «Цимайло Ляшенко и Партнеры», предполагающий появление на искусственной платформе над Волгой огромного черного куба; но и визуальная отсылка к мекканской Каабе не встретила единодушного одобрения ни архитекторов, ни духовенства, ни горожан⁴⁵. Идут годы, а образ Казанской мечети остается предметом поисков.

* * *

Хотя архитектура мечети практически не нормирована какими-либо ритуальными требованиями ислама (за исключением ориентации молитвы), а символика ее элементов лишена теологического обоснования, мусульманские культовые здания по-прежнему остаются действенным инструментом политической риторики. Они оказываются чуткими маркерами идеологических установок и манифестируют представления об этнической принадлежности, национальных идеалах и государственных доктринах.

Неоосманская мечеть, подражательные формы которой закрепились во второй половине XX в. в культовом строительстве Турции, ввиду отсутствия формальных альтернатив, благодаря административному ресурсу не только сузила шкалу поисков новых архитектурных образов, но и идеально «овеществила» современные политические устремления государства. Распространение неоосманского тренда в результате грамотной турецкой «дипломатии архитектуры» на рубеже XX–XXI вв. привело к наделению одного и того же образа новыми смыслами: купольная мечеть оказалась способна выражать идеи пантюркизма, панисламизма и одновременно (при желании заказчика) ориентировать на закрепление представлений о локальном («национальном») художественном стиле. Региональные конкурсы проектов мечетей (в т.ч. казанский конкурс 2022 г.) демонстрируют стремление отказаться от неоосманских реплик и разнообразить формы современной мечети. Выясняется, однако, что найти альтернативу подражательности гораздо сложнее, нежели декларировать необходимость такого поиска: либо новые смыслы вкладываются

45. См.: Kononenko, E. (2023) "The image of the Kaaba in the contemporary architecture of the mosque: Returning to the competition in Kazan", *Problems of Arts and Culture. International Scientific Journal* 3: 47–59.

в знакомые формы, либо новые формы «впитывают» в себя привычные, но нежелательные коннотации.

Нельзя не указать, что одновременное «обновление» и формальной, и смысловой составляющей образа культового сооружения (как и любого художественного произведения, связанного с ритуальной практикой) может оказаться слишком радикальным шагом, приводящим к неприятию результата вплоть до игнорирования верующими⁴⁶, и очевидно, что эту опасность понимают как создатели современных мечетей (та же З. Фадилиоглу, заручавшаяся поддержкой прихожан будущей Шакирин-джами), так и те, кто будет (или демонстративно не будет) в них молиться (жители Казани, отметившие «непохожесть» иных конкурсных проектов на привычные мечети). Именно архитектура мечети, соотношение ее «традиционности» и «авангардности», ее градостроительное значение и особенно заложенные в ее образ смыслы (как «учтенные» заказчиком и архитектором, так и «считываемые» вопреки их замыслам) — т.е. аспекты, не связанные с ритуальной практикой ислама и никак не влияющие на функционирование мечети в качестве культового здания, — оказываются в современных условиях более важными, нежели сам факт появления очередной мусульманской постройки.

Библиография / References

- Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78.
- Ванеян С. С. Тело символа. Архитектурный символизм в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Грабар О. Формирование исламского искусства. М.: Садр, 2016.
- Ибрагимов И. А. Архитектура современных российских мечетей // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011. № 2. С. 53–58.
- Иконников А. В. Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986.
- Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007.
- Кононенко Е. И. Архитектура мечети как объект интерпретации // Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение. 2018. Т. 8. № 1. С. 113–130.
- Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур. М.: ГИИ, 2018. С. 92–117.

46. См. подробнее: Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 16–22.

- Кононенко Е. И. В ожидании «суперпроекта»: ориентиры турецкой мечети // Азия и Африка сегодня. 2014. № 4. С. 63–68.
- Кононенко Е. И. Пространство мечети: «временная ритуализация» // Культура Востока. Вып. 4. Границы сакральных пространств. М.: ГИИ, 2019. С. 72–97.
- Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой // Искусствознание. 2014. № 3–4. С. 155–182.
- Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 16–22.
- Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 32–39.
- Садр ад-Дин ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-сельджукийя (Сообщения о Сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях). М.: Восточная литература, 1980.
- Стародуб Т. Х. Мечеть. Термин и архитектурный тип // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2006. № 4. С. 54–73.
- Червонная С. М. Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени. Торунь: Польский институт исследований мирового искусства; Изд-во Тако, 2016.
- Чернышева Е. Громкие споры вокруг столичных памятников // Коммерсантъ. 08.06.2015.
- Шукуров Ш. М. Архитектура современной мечети. Истоки. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998.
- Ashkan, M., Ahmad, Y., Arbi, E. (2012) “Pointed Dome Architecture in the Middle East and Central Asia: Evolution, Definitions of Morphology, and Typologies”, *International Journal of Architectural Heritage* 6(1): 46–61.
- Batuman, B. (2016) “Architectural mimicry and the politics of mosque building: negotiating Islam and Nation in Turkey”, *The Journal of Architecture* 21(3): 321–347.
- von Beyme, K. (1996) “Politische Ikonologie der Architektur”, in Hipp, H., Seidl, E. (eds) *Architektur als politische Kultur*, ss. 19–34. Berlin: Dietrich Reimer.
- Bianco, L. (2018) “Architecture, values and perception: Between rhetoric and reality”, *Frontiers of Architectural Research* 7: 92–99.
- Cagaptay, S. (2019) “Making Turkey Great Again”, *The Fletcher Forum of World Affairs* 43(1): 169–178.
- Çamlıca'ya yapılacak cami taklit mi? *Milliyet*. 16.11.2012.
- Creswell, K. A. C. (1989) *A Short Account of Early Muslim Architecture*. Cairo: The American University in Cairo Press.
- Demirer, Y. (2007) “Constructing a High-Society Mosque: The Controversy and Significance of the Şakirin Mosque in Istanbul, Turkey”, *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies* 40(2): 3–17.
- Dural, M. (2017) *Çağdaş Cami Mimarisinde Kubbe Ögesinin Algısal Etkisinin Mimari Eğitim Seviyesine Göre Farklılaşması*. İstanbul: Yüksek Lisans tezi.
- Hattenhauer, D. (1984) “The rhetoric of architecture: A semiotic approach”, *Communication Quarterly* 32(1): 71–77.
- Holod, R., Khan H., Mims K. (1997) *The Contemporary Mosque. Architects, Clients and Designs since the 1950s*. N.Y.: Rizzoli.

- Kononenko, E. (2023) "The image of the Kaaba in the contemporary architecture of the mosque: Returning to the competition in Kazan", *Problems of Arts and Culture. International Scientific Journal* 3: 47–59.
- Rizvi, K. (2015) *The Transnational Mosque. Architecture and Historical Memory in the Contemporary Middle East*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Schlanger, J. (2001) "Introspection, retrospection, prospection", *Revue de métaphysique et de morale* 4: 527–541.
- Türkiye Diyanet Foundation. *Our Mosques* (2011). Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı.